

Мин. Россия, 1981, 7 авг., №32

Новая жизнь романа «Разрыв-трава»

О СТРОДРАМАТИЧНА сцена, с которой в русском драматическом театре Улан-Удэ начинается спектакль «Разрыв-трава», поставленный по одноименному роману Исаа Калашникова (автор инсценировки В. Демин, режиссер Н. Логачев). Едва дождавшись своих сыновей, умирает отец. Белая длинная рубашка, всклокоченная борода, неровный, колышущийся свет свечи, смятием и тревогой горящие глаза умирающего.

Невольно задумываешься: да неужели все это лишь оттого, что один из сыновей вернулся в отцовский дом безбородым? Не наивное и не смешное ли чудачество — цепляться за устои старины, когда, кажется, вся жизнь пришла в движение: строится с места революцией и войной и к прошлому уже не вернется.

Вон как покосились широкие деревенские ворота, сработанные, кажется, из чугуна, а не из дерева, вон как накренились заборы. Художник спектакля В. Бройко изобразил крепость, утратившую неприступность и надежность, замки ее уже не в силах ничего утаить и уберечь. Оттого и ударила в душу старика эта встреча, что слухи о новой жизни, о том, что потревожена будет старина, потеснен ее уклад, слухи, в которые не хотелось верить, — они уже здесь, у порога дома. Зримое их воплощение — сын. Явился —

без бороды — как олицетворение того, что пугало и возмущало душу, привыкшую к дедами завещанным обычаям, к жизни, дающей на все вопросы веками выверенные ответы.

Свои отметины — замечаем — оставила на вернувшихся в село братьях Родионовых война. В каждом движении, взгляде — и усталость, и надежда, и тоска по крестьянскому труду, мирной жизни.

Как душат человека бессонница, мучительный страх, ярость и злоба — все это мгновенно читается на гладкой, благообразной физиономии кулака Харитона Пискуна (Г. Федоров). А в том, как по-старинному чинно идет богатая свадьба, которую Пискун устроил своему сыну Агапке (М. Заляльдинов), угадывается комический подтекст события: другому сужена невеста.

В спектакль, выстроенный в широких, просторных мизансценах, легко и естественно вливаются и многоголосые сельской улички, и шум колхозного собрания, и хмельное половодье разудалой деревенской гулянки, и оглушающая тишина первых

Лазарь Изотыч — А. БУРКОВ.

Фото Н. КРАШНЕВСКОГО

мгновений после объявления по радио о начале Великой Отечественной войны. И в этом многозвучье и многолюдье спектакля не теряются мелодии судеб каждого героя.

Драматическая напряженность

времени передается в спектакле не стрельбой, хотя выстрелы и раздаются на сцене, не тяжелым дыханием и топотом погоны, хотя и погоня есть, — мера драматичности времени угадывается в душевном состоянии людей. Проявляется оно и в стоическом мужестве, последовательной человеческой честности и верности делу революции председателя сельсовета Лазаря Изотыча (А. Бурков), и в скрытом от глаз тяжелом выборе между верой, стариной и новой жизнью у Игната (М. Омельницкий). И в сильных необузданных метаниях Корнея (Е. Путивец), в поисках им своего единичного счастья. И в любви Устины (Л. Архипова), такой ранимой... Всем в спектакле найден свой миг, в который человек открывается до дна.

Тепло обрисованы театром отношения бурят и русских, вместе с оружием в руках боровшихся против белобандитов в гражданскую войну. Роли свои бурятские актеры С. Аранжуров (Бато), Л. Ильина (Дарима) и особенно З. Цыдыпов (Ринчин) ведут сочно, строят образы на

фольклорной основе. Зрители принимают их неизменно хорошо. Актеры это чувствуют, и иногда во внешнем рисунке З. Цыдыпова — Ринчина появляется избыточность: чуть чужнее походка, чуть сильнее наклон головы. Мне показалось, что здесь кроется опасность превратить очень важные по смыслу сцены во вставные жанровые картинки, сочные, интересные, но стоящие чуть в стороне от спектакля.

Бег времени в нем неуловим, как и трава, растущая в горах Забайкалья, рвущая собой могучие скалы. Она и дала название роману и спектаклю, образно определив их идею, — «Разрыв-трава».

Посмотреть спектакль приезжают люди из Шаралдая, с родины Исаа Калашникова. Приезжают из мест, где сейчас не сыскать тяжелых заборов да высоченных ворот, где теперь лишь старики споют по-старинному многоголосом про чаек, что не вилась бы над морем, про охотника, что гуляет себе в островах...

Многие приходят в зал театра не один раз. И когда узнаешь, что билеты проданы на все объявленные на декаду спектакли — не частая, надо сказать, вещь в периферийном театре, — понимаешь, что спектакль по роману писателя-земляка перестал быть лишь явлением искусства. Он стал явлением жизни. Примечательным и плодотворным.

Геннадий БИРЮКОВ

УЛАН-УДЭ